

А. И. Герцен

БЫЛОЕ И ДУМЫ

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ (ОТРЫВКИ) (1865 – 1868)

<ГЛАВА 1>. БЕЗ СВЯЗИ

І. ШВЕЙЦАРСКИЕ ВИДЫ

[1]

Лет десять тому назад, идучи поздним зимним, холодным, сырым вечером по Геймаркету, я натолкнулся на негра лет семнадцати; он был бос, без рубашки и вообще больше раздет тропически, чем одет по-лондонски. Стуча зубами и дрожа всем телом, он попросил у меня милостыни. Дня через два я опять его встретил, а потом – еще и еще. Наконец, я вступил с ним в разговор. Он говорил ломаным англо-испанским языком, но понять смысл его слов было не трудно.

- Вы молоды, – сказал я ему, – крепки, что же вы не ищите работы?
- Никто не дает.
- Отчего?
- Нет никого знакомого, кто бы поручился.
- Да вы откуда?
- С корабля.
- С какого?
- С испанского. Меня капитан очень бил, я и ушел.
- Что вы делали на корабле?
- Все – платье чистил, посуду мыл, каюты прибирал.
- Что же вы намерены делать? (398)
- Не знаю.
- Да ведь вы умрете с холода и голода, по крайней мере наверно схватите лихорадку.

- Что же мне делать? – говорил негр с отчаянием, глядя на меня и дрожа всем телом от холода.

"Ну, – подумал я, – была не была – не первая глупость в жизни".

- Идите со мной, я вам дам угол и платье, вы будете чистить у меня комнаты, топить камин и останетесь, сколько хотите, если будете вести себя порядком и тихо. Se по – по 2.

Негр запрыгал от радости.

В неделю он потолстел и весело работал за четырех. Так прожил он с полгода; потом, как-то вечером, явился перед моей дверью, постоял молча и потом сказал мне:

- Я к вам пришел проститься.
- Как так?
- Теперь довольно, я пойду.
- Вас кто-нибудь обидел?
- Помилуйте, я всеми доволен.
- Так куда же вы?
- На какой-нибудь корабль.
- Зачем?
- Очень соскучился, не могу, я сделаю беду, если останусь, мне надобно море. Я поезжу и опять приеду, а теперь довольно.

Я сделал опыт остановить его, дня три он подождал и во второй раз объявил, что это сверх сил его, что он должен уйти, что теперь довольно.

Это было весной. Осенью он явился ко мне снова тропически раздетый, я опять его одел; но он вскоре наделал разных пакостей, даже грозил меня убить, и я был вынужден его прогнать.

Последнее к делу не идет, а идет к делу то, что я совершенно разделяю воззрение негра. Долго живши на одном месте и – в одной колее, я чувствую, что на некоторое время довольно, что надобно освежиться другими горизонтами и физиономиями... и с тем вместе взойти в себя, как бы это ни казалось странным. Поверхностная рассеянность дороги не мешает. (399)

Есть люди, предпочитающие отъезжать внутренно: кто при помощи сильной фантазии и отвлекаемости от окружающего – на это надобно особое помазание, близкое к гениальности и безумию, – кто при помощи опиума или алкоголя. Русские, например, пьют запоем неделю-другую, потом возвращаются ко дворам и делам. Я предпочитаю передвижение всего тела передвижению мозга и кружение по свету – кружению, головы.

Может, оттого, что у меня похмелье тяжело.

Так рассуждал я 4 октября 1866 в небольшой комнате дрянной гостиницы на берегу Невшательского озера, в которой чувствовал себя как дома, как будто в ней жил всю жизнь.

С летамы странно развивается потребность одиночества и, главное, тишины... Па дворе было довольно тепло, я отворил окно... Все спало глубоким сном, и город, и озеро, и причаленная барка, едва-едва дышавшая, что было слышно по небольшому скрипу и видно по легкому уклонению мачты, никак не попадавшей в линии равновесия и переходившей ее то направо, то налево...

...Знать, что никто вас не ждет, никто к вам не взойдет, что вы можете делать что хотите, умереть, пожалуй... и никто не помешает, никому нет дела... разом страшно и хорошо. Я решительно начинаю дичать и иногда жалею, что не нахожу сил принять светскую схику.

Только в одиночестве человек может работать во всю силу своей могучей. Воля располагать временем и отсутствие неминуемых перерывов – великое дело. Сделалось скучно, устал человек – он берет шляпу и сам ищет людей и отдыхает с ними. Стоит ему выйти на улицу – вечная каскада лиц несется, нескончаемая, меняющаяся, неизменная, с своей искрящейся радугой и седой пеной, шумом и гулом. На этот водопад вы смотрите как художник. Смотрите на него, как на выставку, именно потому, что не имеете практического отношения. Все вам постороннее, и ни от кого ничего не надобно.

На другой день я встал ранехонько и уже в одиннадцать часов до того проголодался, что отправился завтракать в большой отель, куда меня с вечера не пустили за неимением места. В столовой сидел англичанин с своей женой, закрывшись от нее листом "Теймса", и француз лет тридцати – из новых, теперь слагающихся типов – толстый, рыхлый, белый, белокурый, мягко-жирный, – он, казалось, готов был расплыться, как желе в теплой комнате, если б